

3. Апогей системы концлагерей

Идеологическое и политическое ужесточение 1945 — 1953 гг. привело к разрастанию репрессивных органов и концентрационной системы. С 1946 г. деятельность по охране порядка и подавлению инакомыслия осуществлялась двумя органами, чьи права и обязанности оставались туманными и не регламентировались никаким законом: Министерством внутренних дел (МВД) и Министерством государственной безопасности (МГБ). Многочисленные перестановки в их руководстве, произошедшие в эти годы, отражали сложные перипетии той борьбы за власть, которой в политическом плане был отмечен конец сталинской эры. В 1946 г., оставаясь заместителем председателя Совета Министров и членом Политбюро, Берия уступил руководство МВД генералу Круглову. МГБ, могущество которого постоянно росло, отошло к одному из подчиненных Берии Абакумову, заместителем которого Круглое работал в течение некоторого времени. В ноябре 1951 г. Абакумов был заменен Игнатьевым, ставленником Сталина. Если верить некоторым свидетельствам, Сталин перестал тогда доверять Берии и поставил политическую полицию под усиленный контроль «специального сектора» своего Секретариата.

Учитывая численность новых категорий приговоренных к лагерям (бывшие военнопленные, «чуждые элементы» из регионов, недавно включенных в СССР, пособники оккупантов, представители подвергшихся массовой депортации народностей), следует признать, что в послевоенные годы советская концентрационная система достигла своего апогея. Так же как и для конца 30-х гг., оценки численности заключенных ГУЛАГа колеблются от 4,5 до 12 млн. человек. Тем не менее все историки признают, что число заключенных в лагерях и тюрьмах достигло своего максимального уровня в 1948 — 1952 гг., когда многие приговоренные в 1937 — 1938 гг. к десяти годам лагерей без суда получили новый срок на основании административного решения. С другой стороны, есть основания полагать, что и смертность среди заключенных после 1948 г. значительно сократилась благодаря осознанию властями необходимости «беречь» экономически выгодную рабочую силу.

По сравнению с предыдущими годами организация концентрационной системы отличалась рационализацией использования заключенных, созданием для политзаключенных специальных лагерей и ростом числа серьезных попыток восстаний заключенных.

Можно полагать, что в отличие от послесталинского ГУЛАГа, если информация о насыщенности европейской части СССР лагерями не была сильно приуменьшена, основная часть лагерей находилась тогда в самых удаленных и суровых районах нового освоения, от безводных пустынь Средней Азии до полюса холода в Якутии. В конце 40-х гг. советская концентрационная система имела уже четвертьвековую историю. Местом, где началось ее формирование, были Соловецкие острова. Достаточно символично то, что центром, вокруг которого стала создаваться в 1923 г. структура архипелага ГУЛАГ, послужил крупный монастырь на этих островах, который до революции был стратегической крепостью, а затем тюрьмой. В конце 20-х гг. «население» Соловков было разбросано по стройкам железных дорог и лесоповалам Карелии, Мурманской, Архангельской и Вологодской областей. Первой большой сталинской стройкой с использованием заключенных стала прокладка Беломоро-Балтийского канала (1931 — 1933 гг.). В то же время было начато поэтапное строительство «Северо-Восточной дороги», вдоль которой были разбросаны более или менее постоянные лагеря. Эта транспортная артерия, берущая начало от стратегического Котласского перекрестка, продвигалась со своими рельсами, лесосеками и рудниками сначала к Усть-Илиму, а затем к Ухте, Печоре и Воркуте. Она делилась на две ветки: одна на Северный Урал, в район Соликамска, а другая — в арктические районы (Салехард, затем Норильск), куда в 1939 г. были переведены последние соловецкие узники. Во второй половине 30-х гг. заключенные начали строить еще одну линию от Южного Урала к Кузбассу, Байкалу (группа лагерей ОЗЕРЛаг) и Амуру (группа лагерей БАМЛаг). В тот же период по крайней мере центральная часть Казахстана и Колыма также покрылись сетью лагерей.

Полностью изолированная — добраться туда можно было только морем — Колыма стала регионом-символом ГУЛАГа. Ее административный центр и порт приема заключенных Магадан был построен ими самими, как и жизненно важное Магаданское шоссе, соединявшее только лагерь. Добыча золота в нечеловечески тяжелых условиях, позднее детально описанных бывшими узниками, составляла основной вид их деятельности. В Казахстане заключенные начали разработку месторождений угля и медной руды в районе Караганды. Оттуда лагерь распространился в Джезказган и Экибастуз, получившие известность благодаря восстаниям, которые там произошли в 1953 г. Немного севернее сельскохозяйственное освоение степей обеспечивал СТЕПЛаг, насчитывавший в 1949 г. 200 тыс. заключенных.

В сложной системе лагерей заключенные направлялись преимущественно на лесоповал («летучие лагеря» в тайге передвигались вместе с лесосеками), в горнодобывающую промышленность, главным образом (за исключением угольных шахт Воркуты и Караганды) в отрасли с высокой степенью риска для жизни (добыча урана, свинца, асбеста, золота, алмазов — большинство этих рудничных лагерей, где смертность была особенно высокой, относилось к СВИТЛагу, разбросанному по огромной территории от Якутска, Ногаевой бухты до устья Колымы с центром в Магадане), на строительство железных дорог (железная дорога Байкал — Амур, прокладка которой велась заключенными из БАМЛага, насчитывавшего в своих трех десятках «лагпунктов» несколько сотен тысяч заключенных; арктическая железная дорога Салехард — Игарка длиной 1200 км, так и не введенная в строй), на строительство крупных плотин (Усть-Каменогорск, Братск), городов (Комсомольск, Находка, Магадан, Братск, Норильск, Воркута, Балхаш, если называть только самые большие), на осуществление таких престижных проектов, как Волго-Донской канал, строительство которого закончилось в 1952 г.

В 1948 г., в обстановке общей нехватки рабочей силы из-за понесенных в войне потерь, когда особенно пострадало население наиболее трудоспособных возрастов, власти распорядились использовать заключенных более «экономно» и «рентабельно». В 1945 — 1948 гг. особенно высокой была смертность среди заключенных, отправленных в лагерь за пребывание в немецком плену. Этим ослабленным и больным людям не удавалось выполнять норму выработки больше, чем на 30—40%, за что им соответственно урезалось питание. Поэтому «доходяги», как их называли на лагерном жаргоне, быстро умирали. Чтобы стимулировать производительность труда, с 1948 г. власти разрешили выдачу дополнительной зарплаты «ударникам»; также были увеличены пайки для выполнявших нормы выработки. Экономическая рентабельность

ГУЛАГа получила различные оценки: некоторые (А.Солженицын, С.Розенфельд) подчеркивают невероятную дешевизну этой рабочей силы, «оплачиваемой» из расчета обеспечения ее воспроизводства; другие (Амальрик, Буковский) настаивают на широком распространении всякого рода «приписок», очень низкой производительности лагерной рабочей силы и огромных расходах на содержание многочисленного и коррумпированного лагерного персонала. Как бы то ни было, «население» ГУЛАГа внесло основной вклад в освоение новых районов, ресурсы которых могли бы эксплуатироваться вольной наемной рабочей силой, как это делается в настоящее время, правда, с очень большими экономическими затратами.

В 1948 г. были созданы лагеря «специального режима», в которых в очень тяжелых условиях содержались лица, осужденные за «антисоветские» или «контрреволюционные акты». У этих людей не оставалось никаких иллюзий относительно системы. Они, как правило, прошли военную службу, умели обращаться с оружием и имели совершенно другой жизненный опыт и мировосприятие по сравнению с «врагами народа» 30-х гг. — интеллигентами, партийными функционерами и хозяйственниками, убежденными в том, что их арест — результат ужасного недоразумения. Способные сопротивляться давлению «уголовников», которые при попустительстве администрации всегда терроризировали «политических», эти «новые заключенные» превратили некоторые «спецлагеря» в настоящие очаги восстания и политического сопротивления. Именно 1948 — 1954 гг. были отмечены несколькими восстаниями заключенных. Самые известные из них произошли в Печоре (1948 г.), Салехарде (1950 г.), Кингире (1952 г.), Экибастузе (1952 г.), Воркуте (1953 г.) и Норильске (1953 г.). Брожение в лагерях, особенно «специальных», достигло очень высокого уровня после смерти Сталина и отстранения Берии, то есть весной и летом 1953 г. и в 1954 г. Возглавленное, как и большинство предыдущих мятежей, бывшими военными, это движение приняло открыто политический характер.

Восстания заключенных дали основание отдельным авторам (прежде всего К.Лефору) утверждать, что «население» ГУЛАГа составляло некий «социальный класс», особенно эксплуатируемый и притесняемый правящим классом. Для Солженицына ГУЛАГ являлся территорией особой «зековской нации» со своей собственной культурой, своими кодексами и законами, языком, обществом, структурированным в рабочие бригады, для которых назначалась коллективная норма выработки и где применялись принципы коллективной ответственности; обществом, разделенным на «политических» и «уголовников», со сложной иерархией надзирателей, зеков, произведенных в мастера, «сачков», которым удалось, благодаря тому, что они владели какой-либо редкой и нужной специальностью, добиться от администрации освобождения от общих работ, всемогущих блатных («воров» на лагерном жаргоне), помывавших люмпен-пролетариатом, «внутренних рабов», зачастую превращенных в пассивных гомосексуалистов.

Существование этой параллельной «нации» не было только результатом репрессивной политики, проводившейся в отношении отдельных лиц и групп, подозреваемых в политической оппозиционности. Оно отражало общую криминализацию социального поведения. Вопреки солженицынскому образу ГУЛАГа, символом которого является интеллигент-диссидент, «политические» составляли меньшинство лагерного населения. В то же время большинство заключенных все же не были «уголовниками» в обычном понимании этого слова. Чаще всего в лагерь попадали обычные люди за нарушение одного из бесчисленных репрессивных законов. Цель законодательства состояла в том, чтобы заставить работать и дисциплинировать массы, не горевшие желанием участвовать в продлении функционирования системы и ее воспроизводстве.